

ЕВРОПЕЙСКИЙ СОЮЗ КАК ИМПЕРСКИЙ КОНСТРУКТ

К ВОПРОСУ О ПРИМЕНИМОСТИ ПОНЯТИЯ

АЛЕКСАНДР ТЭВДОЙ–БУРМУЛИ
МГИМО МИД России, Москва, Россия

Резюме

Возникновение новых аналитических подходов к концепту империи, а также выход европейского интеграционного процесса на новый уровень развития обуславливают постановку вопроса о возможности интерпретации эволюции ЕС через призму имперского концепта. В данной статье сделана попытка верифицировать гипотезу об усилении имперских начал европейского интеграционного транзита через выявление основных признаков имперского феномена и их сопоставление с реальностью европейской интеграции. Признаки имперской политики определяются по ряду базовых параметров: системному, структурному, институциональному, политэкономическому, нарративному и мотивационно-генетическому. Для уточнения гипотезы об имперском характере европейской интеграционной политики автор различает две версии имперской интерпретации ЕС: эндоструктурную (внутренняя структура ЕС рассматривается в категориях «метрополия-колонии») и экзоструктурную (Евросоюз рассматривается как метрополия, а региональная периферия ЕС – как внешние объекты имперской политики). Итогом анализа становится тезис о недостаточной на сегодняшний день обоснованности гипотезы об имперском характере европейского интеграционного процесса – хотя ряд признаков указывает на возможность эволюции Европейского Союза в этом направлении в дальнейшем. Отдельно рассматривается гипотеза Я. Зелонки о ЕС как не-вестфальском неосредневековом имперском проекте. В статье признаётся наличие сходства между базовыми параметрами функционирования европейской интеграционной политики и аналогичными показателями Священной Римской империи германской нации (на чём и зиждется гипотеза Зелонки об имперском характере Европейского Союза). Однако нетипичность политического феномена Священной Римской империи именно как проекта имперского ставит под сомнение и имперскость уподобляемого ему современного европейского интеграционного проекта. Скорее, признание сходства двух данных явлений позволяет рассматривать европейский интеграционный процесс как симптоматичный для нынешней стадии эволюции глобального миропорядка, характеризующейся отходом от Вестфальской системы в сторону «неосредневекового» дизайна, чертами которого являются относительная десоверенизация национальных государств, рост числа неклассических субъектов и инструментов международных отношений, усиление цивилизационной/конфессиональной компоненты мотивации внешнеполитической деятельности.

Ключевые слова:

европейская интеграция; империя; европейская система международных отношений; глобальный миропорядок.

Дата поступления рукописи в редакцию: 30.03.2019

Дата принятия к публикации: 26.08.2019

Для связи с автором / *Corresponding author:*

Email: tevdoy@mail.ru

В настоящее время налицо возрождение научного интереса к имперскому феномену как системообразующему элементу исторического процесса не только в прошлом, но и применительно к сегодняшней реальности. Достаточно посмотреть на современные штудии исследователей французского, британского и российского колониального опыта, исследования американистов и даже политических философов, чтобы оценить возможный потенциал интерпретаций и реинтерпретаций исторической и современной динамики международных отношений в этом контексте [Малкин 2018; Миллер 2008; Наследие империй и будущее России 2008; Рахшмир 2008; Согрин 2015; Хардт, Негри 2004; Ferguson 2004; De Grazia 2005]. При этом европейский интеграционный процесс достиг к настоящему времени фазы, описание которой провоцирует использование имперского дискурса. Возрастание политической субъектности ЕС, его внутренней структурной сложности, становление ценностного фактора как одной из детерминант европейской политики – всё это побуждает специалистов к сопоставлению опыта функционирования ЕС с имперским феноменом в качестве референтного образца [Cooper 2000; Laïdi 2008; Whitman 2011; Manners 2002; Del Sarto 2016; Ziolonka 2006].

Однако есть ли таковой образец? Империя – изменчивый феномен. Смысловая нагрузка этого понятия крайне аморфна и в разных школах, у разных авторов трактуется весьма различно [Малкин 2018: 56; Миллер 2008: 118]. Существует и дополнительное осложнение в виде часто встречающейся нагрузки понятия империи нормативным содержанием. Для либерального дискурса «империя» – скорее, негативный образ. Для дискурса же цивилизационного, который сейчас набирает всё больше сторонников в Европе, образ империи чаще окрашен в позитивные тона. Отказываясь от нормативного подхода в подобном политизированном его изводе, мы попытаемся, *во-первых*, определить базовые призна-

ки имперского феномена на основании существующих подходов и имеющейся эмпирики и, *во-вторых*, наложить получившуюся матрицу на европейский интеграционный феномен.

В этом смысле нам близок подход В.В. Согрина к решению типологически схожей задачи верифицировать тезис об имперскости политики США [Согрин 2015]. Постулируя свой тезис о Соединённых Штатах как либерально-демократической империи, отечественный специалист выделяет признаки «имперскости» и затем констатирует их присутствие в эмпирике американской истории. К числу таковых он относит доминирование над какой-либо страной даже без территориального завоевания и непосредственного политического управления (неоимпериализм)¹, а также мессианство [Согрин 2015: 4, 7].

Схожий подход демонстрирует и А. Миллер, выделяющий такие характерные черты имперскости, как гетерогенность контролируемого пространства, иерархичность и анизотропность его организации, а также повышенная внешнеполитическая субъектность имперской политики [Миллер 2008: 118–119]. Практически аналогичный набор признаков империи (великодержавность, гетерогенность и иерархичность) выделили в своё время О. Подвинцев и О. Орачева [Орачева, Подвинцев 1995: 50]. Гетерогенность и широкое использование инструментов непрямого/делегированного управления отмечает в качестве базовых признаков империи и Ч. Тилли [Tilly 1997: 220] – хотя готовность этого автора зачислять в империи такие политики, как средневековые Речь Посполитая или Бургундия [Tilly 1997: 217], вызывает вопросы. Наконец, обширность территории, автономность центра и идейно-культурный универсализм – вот признаки империи, выделяемые Ш. Айзенштадтом [Eisenstadt 1968: 41].

Разделяемый нами алгоритм выделения базовых признаков имперского феномена отнюдь не единственный из возможных.

¹ В этом Согрин согласен с американскими историками-ревизионистами.

Скажем, Д. Ливен [Ливен 2007] отказывается от матричного метода определения империи через совокупность устойчивых признаков и предпочитает контекстуальный метод анализа значения интересующего нас термина в конкретные исторические эпохи применительно к конкретным феноменам [Ливен 2007: 16]. С одной стороны, это перегружает анализ конкретикой, но с другой – позволяет составить некий тезаурус представлений об империи и, соответственно, более полно представить практику употребления соответствующего термина. Этот подход кажется нам вполне уместным на первичной стадии концептуализации империи, однако, как было сказано выше, задачу выделения устойчивых признаков феномена он не решает. Кроме того, некоторая поверхностность и отсутствие академической глубины, характерные для работы Д. Ливена в целом, ставят под сомнение релевантность его штудий в части сопоставления исторических империй.

1

Анализ тезауруса существующих подходов к проблематике империи, а равно и конкретно-исторической эмпирики позволяет выделить ряд базовых признаков имперского феномена, которые будут представлены в настоящей статье.

Системный признак. Империя – крупный субъект системы международных отношений на глобальном или макрорегиональном уровнях. Не случайно к этой категории периодически относили даже такие политии, которые с точки зрения своего конституционного статуса, а также по ряду иных признаков империями не являлись, но де-факто были региональными (Швеция в XVII веке) или глобальными (США в XX–XXI веках) гегемонами. На подобной трактовке имперскости основывал своё понимание концепта И. Кристол, фактически приравнивавший её к великодержавности [Kristol 2003: 83]2.

Такое расширительное толкование позволяет подвести под рассматриваемую категорию и ЕС как глобального игрока. Характерен в этом контексте подход Р. Купера [Cooper 2000]. В основе его понимания имперскости лежит противопоставление порядка и хаоса. Р. Купер видит в империях прежде всего закономерную и в целом весьма позитивно им оцениваемую фазу структурирования и упорядочивания Ойкумены. Она завершилась в эпоху зрелого модерна крахом империй и кристаллизацией национальных государств, вызвавшими новую волну хаоса. Европейский Союз, понимаемый Р. Купером как пространство наилучшим образом организованного на сегодняшний день социального и политического порядка [Cooper 2000: 17], мыслится как постмодернистский возврат к имперской упорядоченности домодерной эпохи. Переключка с имперской моделью прослеживается и в видении Р. Купером миропорядка как многоуровневой иерархической системы, в рамках которой менее организованные участники международных отношений могут находиться под патронатом наиболее организованных и «цивилизованных» субъектов, обитающих на верхних уровнях этой конструкции [Cooper 2000: 39]. К таковым небожителям Купер относит и ЕС.

Отчасти из подобного «великодержавного» подхода вырастает и часто применяемый к ЕС концепт нормативной империи [Laidi 2008; Whitman 2011; Manners 2002; Del Sarto 2016; Zelionka 2006], проецирующей своё доминирование не через традиционные внешнеполитические механизмы подавления и принуждения, а посредством распространения на периферию собственных практик, ценностей и стандартов.

Насколько релевантен этот подход? Не слишком ли много политий в этом случае могут быть определены как империи только в силу их повышенной способности проецировать свою субъектность? Очевид-

² П.Ю. Рахшмир, анализирующий воззрения И. Кристола, интерпретирует концепт великодержавности как способность и готовность государства проводить самостоятельные внешнеполитические акции, не согласованные даже с ближайшими союзниками [Рахшмир 2008: 9].

но, что сводить имперскость к великодержавности, пожалуй, было бы чрезмерным упрощением. Даже у апологета такого отождествления И. Кристола можно усмотреть и понимание империи как игрока, окруженного зависимыми субъектами [Kristol 1997]. Против уравнивания имперскости и великодержавности резонно выступает и С. Малкин, выделяющий помимо внешнеполитических элементов имперского поведения также и элементы внутривнутриполитические [Малкин 2018: 56–57].

Если суммировать вышесказанное, данный признак имперскости является необходимым, но – будучи внешним – недостаточным квалифицирующим основанием.

Структурный признак. Как уже было отмечено выше, гетерогенность часто выделяется исследователями как одна из характерных черт имперского пространства. Эмпирический опыт показывает, что внутренняя структура абсолютного большинства политических, вошедших в историю как имперские, предполагала наличие центра (метрополии) и периферии (колоний) со специфическими институциональными и политэкономическими (см. далее соответствующие признаки) отношениями. В империи заморского типа колонии, как правило, достаточно далеко отстоят от метрополии. Для континентальной империи характерны «внутренние колонии», не отделённые от метрополии значительными географическими препятствиями. Существуют и переходные (смешанные) типы. При этом классическая империя представляет собой колесо без обода [Мотыль 2004]. Его ступица – метрополия – взаимодействует с колониями напрямую, а коммуникация между последними либо отсутствует, либо малозначима.

Применим ли к ЕС формат имперского колеса? С одной стороны, скорее, нет. *Во-первых*, в рамках ЕС очевидно сохраняются коммуникации по ободу – между государствами-членами. *Во-вторых*, – что даже более важно – один из ключевых вопросов

применительно к имперскости ЕС связан с территориальной невыраженностью метрополии. Либо необходимо рассматривать в логике метрополия-колонии внутреннюю структуру интеграционного объединения (эндоструктурная интерпретация), либо нужно классифицировать весь Евросоюз как метрополию, а его региональную периферию – как колонии (экзоструктурная интерпретация).

В первом случае неясно, как географически очерчено то внутреннее ядро ЕС, которое можно определить как метрополию. Входит ли в него Италия? Скандинавские страны? Польша? Кого представляет Брюссель в качестве имперского центра? Более того, если институты ЕС обеспечивают известный баланс всех участников внутрисоюзного торга, тогда в принципе невозможно говорить о Брюсселе как об имперском центре. Колонии не могут быть равно представлены наряду с метрополией³. Можно допустить, что развитие интеграционной динамики по пути «Европы разных скоростей» будет способствовать выделению протоимперского ядра. Однако таковым оно сможет стать только при условии институализированных неравноправных иерархических отношений между ядром и периферией, а также ресурсного неравноправия (см. политэкономический признак дальше). Кроме того, явно не соответствует формату «колесо без обода» наличие довольно мощных институализированных связей между периферийными государствами-членами ЕС (например, Вышеградская группа, механизмы Северного сотрудничества).

В случае экзоструктурной интерпретации неясно, насколько существующие институциональные связи между ЕС и его периферией (Европейская политика соседства, Восточное партнёрство и пр.) могут интерпретироваться как внутримперские. Всё-таки внешняя периферия ЕС формально сохраняет свой суверенитет, что невозможно в случае с колонией.

³ Хотя поздняя Британская империя избирательно пошла именно по этому пути, создав институт доминионов для своих «белых» мигрантских колоний.

С другой стороны, анализ экономических трансакций в рамках европейского интеграционного объединения указывает на то, что наиболее плотные экономические связи характерны либо для взаимодействий между государствами-членами высокоразвитого ядра, либо для отношений по линии «высокоразвитое ядро ЕС — вновь вступившие в ЕС государства Центрально-Восточной Европы». В то же время между государствами ЦВЕ экономические связи выражены гораздо слабее⁴. Это может расцениваться как признак наличия в ЕС паттерна имперского колеса, но может интерпретироваться и в категориях неимперских моделей организации пространства. В конце концов, ориентация экономических потоков на центр политики и их затухание на её окраинах характерны для очень многих государств, отнюдь не являющихся империями. Достаточно в этом контексте указать на систему экономических связей и финансовых трансакций современной Российской Федерации с её гипертрофированной ориентацией на Москву как единственный центр всей экономической системы.

Институциональный признак. Метрополия доминирует над колониями институционально: через специфически выстроенные системы управления и права. Колонии не обладают суверенностью, не обладают (за редким исключением) внешнеполитической субъектностью, имперское право (за некоторыми важными исключениями) преобладает над локальным колониальным правом. И в случае с внешнеполитической субъектностью, и в случае с иерархией права исключения, как правило, касаются транзитных ситуаций — на стадии строительства империи (Испанская империя XVI века, Россия XVII—XIX веков) либо её демонтажа (Британская империя XX столетия).

Выше уже было отмечено, что в случае Европейского Союза не вполне ясно, кто

и над кем доминирует. Кроме того, государства—члены ЕС на данном этапе сохраняют достаточный уровень субъектности, в первую очередь внешнеполитической. Можно было бы интерпретировать это как примету транзита на стадии имперского строительства, но отсутствие метрополии (см. предыдущий раздел) противоречит подобной трактовке. Наличие же элементов универсального права прямого действия в отсутствие метрополии указывает, скорее, на федеративный транзит, нежели на имперский.

Известной объяснительной силой в имперской интерпретации европейской интеграции мог бы обладать исторически подтверждённый алгоритм перехода от непрямого управления в терминологии Ч. Тилли (через местные элиты, с минимумом центрального аппарата) в ранних, домодерных империях к управлению прямому (централизованная бюрократия, прямое правоприменение) в империях современных. Вместе с тем в отсутствие институционально оформленной территориальной метрополии этот алгоритм малорелевантен.

Тем не менее признаки тренда институционального оформления метрополии в эндоструктурной её интерпретации можно усмотреть в институциональных механизмах интеграционного ядра (например, Еврогруппа).

Политэкономический признак. Для империи характерны неравноправные экономические отношения между метрополией и колониями. Первая живет за счёт ресурсов последних. При этом современные империи (XIX—XX веков) инвестировали в колонии материальный и социальный капитал, однако итоговый баланс всё равно оказывался в пользу метрополии. Некоторое исключение из этого правила составляли Российская империя/СССР. Их модернизаторская политика диктовала обратное перераспределение — от метрополии к окраинам.

В этом смысле ЕС с его масштабным перераспределением ресурсов через струк-

⁴ Автор выражает искреннюю признательность А.Н. Цыбулиной за разрешение использовать выводы её доклада «“Империя ЕС”: экономический анализ», сделанного в рамках секции «Европейский союз как “мягкая” империя» XI Конвента РАМИ (28–29.09.2017).

турные фонды несколько схож с российской/советской имперской практикой. Вместе с тем проникновение западноевропейского капитала в страны ЦВЕ, перенос туда производств с целью снижения себестоимости продукции, реструктурирование местных экономик в интересах Единого внутреннего рынка в целом — всё это позволяет интерпретировать политэкономическую систему Европейского Союза как классическую имперскую модерного типа в том случае, если признаётся базовый тезис эндоструктурной модели (интеграционное ядро как метрополия, а Брюссель — как выразитель её интересов).

Даже если этот тезис подтверждается, не снимается другой важный вопрос: насколько существующий характер взаимоотношений будет устойчивым? Не является ли он лишь естественным следствием неравномерности социально-экономического развития государств-членов ЕС — неравномерности, которая может в долгосрочной перспективе ослабевать в процессе реализации основной заявленной социально-экономической цели европейской интеграции — снижения региональных диспропорций (при всей кажущейся несбыточности этой цели в настоящее время)?

Нарративный признак. Как мыслит (описывает себя) то или иное государство/полития? Империи, как правило, присуща претензия на идеологический универсализм/мессианство. Достаточно вспомнить британский цивилизаторский проект, российский проект «Третьего Рима», а затем панславизма, американскую идею «сияющего града на холме». Заметим, что и в концепции М. Хардта и А. Негри имперский феномен идеократичен: подобное образование мыслит себя в категории миссии, каковой является, согласно авторам, установление всеобщего и вечного мира через упорядочивание контролируемого империей пространства [Хардт, Негри 2004: 14, 19].

В этом отношении ЕС довольно близко подошёл к имперскому феномену. Мессианский пафос Евросоюзу не чужд. Либеральный ценностный проект институционально укоренён в европейской внешней и

внутренней политике. При этом ЕС не использует тот потенциал европейской идеи как глобального цивилизационного ядра, который концептуализирован и закреплён уже несколько столетий. Этот нарратив приписан, скорее, правым конкурентам брюссельского проекта. В то же время и на пути осмысления себя как либеральной империи Просвещения у Европейского Союза есть существенный ограничитель. По определению, империя порождает уникальный проект. Между тем либеральный ценностный проект ЕС делит с США и — шире — западным миром, включающим и незападных игроков (Япония, бывшие доминионы). Это лишает Евросоюз статуса единственного носителя данного дискурса и, следовательно, снижает символический капитал европейской имперскости.

Мотивационно-генетический. Как мотивируется создание и развитие имперской политики? В случае с континентальными империями (Россия, Китай, Оттоманская империя) исторический опыт указывает, как правило, на сочетание мотиваций мессианства и укрепления государства (обычно — в целях обороноспособности). В случае с заморскими империями (Британия, Испания, Португалия, Франция) мотивация обороноспособности звучит несколько приглушённо, но дискурс державности также присутствует, перемешиваясь с той или иной версией мессианской идеи. Кроме того, как мы видели выше, А. Негри, М. Хардт, Р. Купер фиксируют в мотивации имперского строительства также и темы всеобщего замирения и упорядочивания.

Если взглянуть на Европейский Союз, то его строительство вообще не мотивировалось какой-либо версией державного дискурса. В основу интеграционного проекта был положен сугубо технократический функционалистский подход, в то время как ценностная составляющая коренилась в отказе от национально-государственного эгоизма, пацифизме и мотивировалась интересами взаимного примирения (выживания). В этой связи преамбула Договора об учреждении ЕОУС 1951 г. гласила, что главы стран-учредителей декларировали желание

«способствовать... укреплению мира посредством развития основных производств» и выказали решимость «создать посредством учреждения экономического сообщества основу для более широкого и глубокого объединения народов, долгое время разделявшихся кровавыми конфликтами» [Договор об учреждении ЕОУС 1994: 21].

То есть европейский интеграционный проект с самого своего начала воспроизводил некое подобие универсалистского имперского мессианства в духе «Божьего мира», но был совершенно лишён великодержавных интенций. Уместно также добавить, что упомянутая ценностная мотивация в момент создания ЕС присутствовала с целью внутренней стабилизации, а не экспорта модели. Равным образом институты интеграционного объединения были нацелены – а во многом и продолжают быть нацеленными – не столько на проецирование субъектности и дискурса вовне, сколько на внутреннее балансирование интересов. В первую очередь это касается такого института, как Совет ЕС. Некоторые же значимые с точки зрения доли контролируемых ими финансовых ресурсов функциональные механизмы интеграционного объединения (в первую очередь структурные фонды) предназначены исключительно для целей внутреннего выравнивания и развития.

2

Из сказанного выше вытекает, что паттерну типичной империи (при всём многообразии этой типичности) Европейский Союз соответствует лишь в отдельных частностях. Даже если рассматривать европейский интеграционный проект как транзитный феномен, то предположение о федеративном векторе эволюции выглядит не менее обоснованным, чем гипотеза о векторе имперском.

Впрочем, существует опыт Священной Римской империи германской нации, чьи политические и дискурсивные характеристики во многом напоминают аналогичные параметры ЕС. Это образование создавалось на общей ценностной основе (рим-

ское политическое наследие и христианство). Ценностный мотив использовался в целях внутреннего урегулирования – вспомним, в частности, лозунги «Божьего мира», инициативы Иржи Подебрада и Пия II; попытка же мессианской экспансии (крестовые походы) была скоротечной (приблизительно 20% всего жизненного срока Империи – причём на раннем этапе её существования) и институционально неконсолидированной. Институциональная система Империи предполагала фактический суверенитет элементов и обеспечивала общеимперскую площадку для коммуникации и балансирования интересов, но никак не доминирование условной метрополии над колониями. В Империи фактически отсутствовал центр (или, по меньшей мере, было несколько конкурирующих центров). В силу вышесказанного в Империи не было и неравноправных экономических отношений по имперскому образцу, хотя не было и имперскости «наизнанку» по примеру ЕС и СССР.

Именно к феномену Священной Римской империи апеллирует Я. Зелонка [Zielonka 2007; Zielonka 2008] в своей гипотезе о ЕС как «не-вестфальском неосредневековом государстве», для которого характерны такие признаки, как 1) расширение зоны влияния через экспорт норм (вместо вестфальского проецирования силы); 2) взаимно накладывающиеся суверенитеты и выраженная роль «мягкого права» (вместо жёстко выделенной суверенной правовой зоны); 3) множественная идентичность (вместо унитарной идентичности).

Подобная позиция вполне резонна. Тем не менее она не снимает давно дебатированного среди историков вопроса об имперскости самой Священной Римской империи, которую Я. Зелонка берёт за образец. Фактически до XVII–XVIII веков (когда она была редуцирована до классической династической державы Габсбургов) эта структура была, скорее, зонтичным форматом идейно-политической организации европейского политического пространства, нежели государством какого-то бы ни было типа. Если принять этот тезис – а мы

склоняемся именно к этому, — то выявленное Я. Зелонкой сходство указанного феномена с Европейским Союзом открывает возможности для совершенно других, не связанных с имперским концептом интерпретаций европейского интеграционного процесса.

Европейская интеграция в этом случае может рассматриваться в русле восприятия современной динамики развития миропорядка как динамики отхода от Вестфалья к некоему неофеодализму в международных отношениях. В самом деле — нынешней стадии эволюции миропорядка свойственны, в частности, такие черты, как:

- постепенная утрата государством роли единственного легитимного субъекта власти в границах своей суверенной территории; на эту роль во всё большей степени претендуют внешние негосударственные регуляторы;

- уход от проецирования силы через исключительно государственные структуры (наёмные и призывные армии) в сторону частного силового аутсорсинга (ЧВК и связанные с этим феноменом «гибридные войны»); появление феномена частных корпоративных армий, функционально схожих с отрядами Ганзы или английских торговых компаний;

- рост числа неклассических негосударственных субъектов международных отношений (локализованные террористические анклав, племенные/клановые структуры несостоявшихся государств, ТНК);

- возрастание роли цивилизационного/конфессионального фактора как мотивации внешнеполитического поведения государства.

В этом смысле феномен ЕС может рассматриваться как важный симптом дрейфа

в сторону неосредневековья всей системы современного миропорядка, а упоминавшийся выше взгляд Р. Купера на европейское интеграционное объединение как на островок постмодернизма в современной системе международных отношений может не столько добавить уверенности в постмодерной природе ЕС, сколько убавить уверенности в модерной природе современного мира.

* * *

Подводя итог, можно заключить, что по большинству признаков ЕС сложно считать имперским феноменом. Он не соответствует параметрам даже ранней фазы имперского строительства. Усиление институциональных основ и политической субъектности ЕС не может трактоваться таким образом в отсутствие имперского ядра и, скорее, разворачивается в русле усиления федеративных начал.

Наиболее близким аналогом современной европейской конструкции можно считать Священную Римскую империю — при этом сама «имперскость» последней может быть поставлена под сомнение, а известное сходство двух этих феноменов можно интерпретировать как симптом транзита современной системы международных отношений в поствестфальское состояние, характеризующееся, в частности, возрождением некоторых структурных черт домодерного миропорядка. Таким образом, постановка вопроса об имперском концепте применительно к ЕС позволяет, в частности, сделать значимые гипотезы относительно сегодняшней динамики глобального миропорядка, что лишь доказывает продуктивность всё новых попыток осмыслить природу европейского интеграционного процесса.

Список литературы

- Договор об учреждении ЕОУС // Договоры, учреждающие Европейские Сообщества / Под ред. Ю. Борко, М. Каргалова, Ю. Юмашева. М.: Право, 1994. 96 с.
- Ливен Д. Российская империя и её враги с XVI века до наших дней. М.: Европа, 2007. 688 с.
- Малкин С. Наследие империй и политика США в странах «третьего мира»: историческое моделирование асимметричных конфликтов // Международные процессы. 2018. Т. 16. № 1. С. 53–68.
- Миллер А. История империй и политика памяти // Россия в глобальной политике. 2008. Т. 6. №4. С. 118–134.

- Мотыль А.* Пути империй: упадок, крах и возрождение имперских государств. М.: МШПИ, 2004. 241 с.
- Наследие империй и будущее России / Под ред. А.И. Миллера. М.: Новое литературное обозрение, 2008. 528 с.
- Орачева О., Подвинцев О.* Политическая мысль в терминах и лицах. Пермь: Западно-Уральский институт экономики и права, 1995. 175 с.
- Рахшмир П.Ю.* Американские неоконсерваторы и имперская идея // Новая и Новейшая история. 2008. № 4. С. 3–25.
- Согрин В.В.* США как либерально-демократическая империя // США и Канада: экономика, политика, культура. 2015. № 1 (541). С. 3–20.
- Тилли Ч.* Как умирают империи // Политическая наука. 2013. №3. С. 216–229.
- Хардт М., Негри А.* Империя. М.: Праксис, 2004. 440 с.
- Cooper R.* The Postmodern State and the World Order. London: Demos, 2000. 55 p.
- Eisenstadt S.N.* Empires // International Encyclopedia of the Social Sciences. Vol. V. N.Y.: MacMillan and Free Press, 1968. P. 41–49.
- Ferguson N.* Colossus: The Price of America's Empire. New York: Allen Lane, 2004. 384 p.
- De Grazia V.* Irresistible Empire: America's Advance Through Twentieth-Century Europe. Cambridge: Harvard University Press, 2005. 586 p.
- Normative Power Europe: Empirical and Theoretical Perspectives / ed. by R. Whitman. London: Palgrave Macmillan, 2011. 306 p.
- Kristol I.* The Emerging American Emperium // The Wall Street Journal. 18.08.1997.
- Kristol I.* The Neoconservative Persuasion // The Weekly Standard. 25.08.2003. Vol. 008. Issue 47.
- Laidi Z.* The Normative Empire: the unintended consequences of European Power. 2008. URL: <https://hal.archives-ouvertes.fr/hal-00972756/document> (accessed 10.09.2019).
- Manners I.* Normative Power Europe: A Contradiction in Terms? // JCMS. June 2002. Vol.40. Issue 2. P. 235–258.
- Del Sarto R.* Normative Empire Europe: The European Union, its Borderlands, and the 'Arab Spring' // JCMS. March 2016. Vol. 54. Issue 2. P. 215–232.
- Zielonka J.* Europe as Empire: The Nature of the Enlarged European Union. Oxford: Oxford University Press, 2006. 293 p.
- Zielonka J.* Is the European Union a Neo-Medieval Empire? // The Cicero Foundation. Great Debate Paper. 2008. No. 1. 5 p.

THE EU AS AN IMPERIAL CONSTRUCT

ASSESSING THE APPLICABILITY OF THE NOTION

ALEXANDR TEVDOJ-BURMULI

MGIMO–University, Moscow, 119454, Russian Federation

Abstract

The revision of the approaches to the concept of empire coupling with the obvious new quality of the European integration process in 2000s are provoking the attempts to interpret the logic of the European Union evolution in the terms of imperial transition. This article is dedicated to the verification of such a hypothesis through the particularization of the imperial design and, then, its comparison with the reality of the integration process. The imperial pattern of the polity is determined using some basic parameters – systemic, structural, institutional, economic, narrative, genetic. The analysis allows to conclude that there is no sufficiently solid soil under the “imperial” hypothesis of the European integration process now. Thus, there are some traces indicating the option for the EU to be developed in such a direction. Besides the

hypothesis of J. Zielonka on the EU as a neo-medieval imperial project is examined. We are admitting some resemblance of Holy Roman Empire and nowadays EU phenomena. Nevertheless, the disputable “imperial” nature of the former doesn’t allow to consider such a resemblance as an argument in favor of the “imperial” nature of the latter. Meanwhile this resemblance can be interpreted as one of the signs of the nowadays transit of the global world order to his “neo-medieval” design which is based on the decline of the Nation-State territorial sovereignty, the rise of the non-Westphalian IR actors and tools as well as the reincarnation of the civilizational/confessional motivation of the foreign policy.

Keywords:

European integration; empire; European international relations system; global world order.

References

- (1994). Dogovor ob Uchrezhdenii EOUS [ECCS Treaty]. In: Borko Yu. et al. (eds.) *Dogovory uchrezhdauschie Evropeiskie Soobschestva*. Moscow: Pravo. 96 p.
- Cooper R. (2000). *The Postmodern State and the World Order*. London: Demos. 55 p.
- De Grazia V. (2005). *Irresistible Empire: America's Advance Through Twentieth-Century Europe*. Cambridge: Harvard University Press. 586 p.
- Del Sarto R. (2016). Normative Empire Europe: The European Union, its Borderlands, and the ‘Arab Spring’. *JCMS*. Vol. 54. Issue 2. P. 215–232.
- Eisenstadt S.N. (1968). Empires. In: *International Encyclopedia of the Social Sciences*. N.Y.: MacMillan and Free Press. Vol. V.
- Ferguson N. (2004). *Colossus: The Price of America's Empire*. New York: Allen Lane. 384 p.
- Hardt M., Negri A. (2004). *Imperiya* [Empire]. Moscow: Praxis. 440 p.
- Kristol I. (1997). The Emerging American Emperium. *The Wall Street Journal*.
- Kristol I. (2003). The Neoconservative Persuasion. *The Weekly Standard*.
- Laidi Z. (2008). *The Normative Empire: the unintended consequences of European Power*. URL: <https://hal.archives-ouvertes.fr/hal-00972756/document> (accessed 10.09.2019).
- Liven D. (2007). *Rossijskaja imperija i eye vragi s XVI veka do nashih dnei* [Russian Empire and Its Enemies from 16th Century till Today]. Moscow: Evropa. 688 p.
- Malkin S. (2018). Nasledie imperij i politika SShA v stranah «tret'ego mira»: istoricheskoe modelirovanie asimmetrichnyh konfliktov [Legacy of Empires and the U.S. Policies in the “Third World”: Historical Modelling of Asymmetric Conflicts]. *Mezhdunarodnye protsessy*. Vol. 16. No. 1. P. 53–68.
- Manners I. (2002). Normative Power Europe: A Contradiction in Terms? *JCMS*. Vol. 40. Issue 2. P. 235–258.
- Miller A. (2008). Istorija imperij i politika pamjati [The History of Empires and the Memory Policy]. *Rossija v globalnoj politike*. Vol. 6. No. 4. P. 118–134.
- Miller A. (ed.) (2008). *Nasledie imperij i budushhee Rossii* [The Heritage of Empire and the Future of Russia]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. 528 p.
- Motyl A. (2004). *Puti imperii: upadok, krakh i vozrozhdenie imperskikh gosudarstv* [The Roads of Empires: Decline, Collapse and Renaissance of Imperial States]. Moscow: MShPI. 241 p.
- Oracheva O., Podvincev O. (1995). *Politicheskaja mysl' v terminah i litsakh* [Political thought in Terms and Persons]. Perm': Zapadno-Ural'skij institut jekonomiki i prava. 175 p.
- Rahshmir P.Ju. (2008). Amerikanskije neokonservatory i imperskaja ideja [American Neocons and the Idea of Empire]. *Novaja i Novejschaja istorija*. No. 4. P. 3–25.
- Sogrin V.V. (2015). SShA kak liberal'no-demokraticeskaja imperija [USA as a liberal-democratic Empire]. *SShA i Kanada: jekonomika, politika, kultura*. No.1 (541). P. 3–20.
- Tilly Ch. (1997). Kak umirajut imperii [How empires end]. *Politicheskaja nauka*. No. 3. P. 216–229.
- Whitman R. (ed.) (2011). *Normative Power Europe: Empirical and Theoretical Perspectives*. London: Palgrave Macmillan. 306 p.
- Zielonka J. (2006). *Europe as Empire: The Nature of the Enlarged European Union*. Oxford: Oxford University Press. 293 p.
- Zielonka J. (2008). Is the European Union a Neo-Medieval Empire? *The Cicero Foundation. Great Debate Paper*. No. 1. 5 p.